

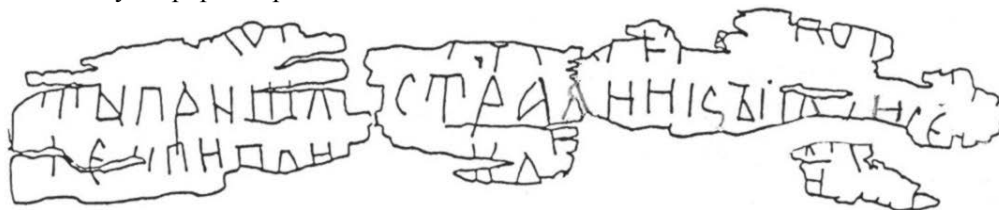
даи 363; что есте мнѣ велѣли оу Путила конь взати, цнѣ мнѣ не дастъ 697; а что ꙗси повельло уо Ювши взати возо Овса и жита друогы старыхо уосопо, то са не (вино)вато твори 482 (аналогично в № 754 [два раза] и 142 [один раз из двух]). Там, где союза нет, его роль могут играть указательные наречия: что по-зваль тебе Сава, здѣ суду нѣтъ 14; чо ксте приказали мнѣ свою землю, нонѣ, осподо, подоваль ꙗси пожни вашиимъ здоровьѣмъ 962. Сверх этого, если не считать ненадежно читаемых текстов, имеется только два примера (в № 99 и 142); в них главное предложение начинается с императива.

Из этого можно заключить, что в № 11 часть *Данилку даль каз(анѣ)* почти наверное была не главным предложением, а продолжением придаточного. Соответственно, перевод должен выглядеть так: ‘Что касается того, что Воч оставил у Микишка таганы [и] дал Данилку казан, [то] ... (следовало указание Фоме, как нужно в связи с этим поступить, или объяснение того, как такое произошло)’.

№ 12 (30-е – сер. 40-х гг. XV в.; Д 39) [Г]. Последняя буква первой строки на новой фотографии прочитывается как ъ, прижатое к предыдущему *н*. Желая уместить слово в строку, писавший пропустил слог в словоформе *дворя(ни)нѣ*. Грамота сохранилась полностью.

№ 16 (1 четв. XV в.) [Г]. Грамота до сих пор оставалась непрочитанной. Она была найдена в виде пяти фрагментов — трех относительно больших и двух совсем маленьких. На прориси в издании эти фрагменты соединены; но если второй и третий действительно стыкуются друг с другом, то о первом и втором этого сказать нельзя. Как выяснилось в результате дополнительного изучения оригинала и фотографии, левый край фрагмента, на прориси расположенного вторым, представляет собой в действительности левый край грамоты; фрагмент же, расположенный на прориси первым, на самом деле должен быть третьим. При такой перестановке последовательность *стра-*, которой заканчивается второй (по новому счету) фрагмент, получает продолжение в виде *-ники*, которым открывается третий фрагмент; на стыке же двух фрагментов прочитывается буква *д* (граница проходит почти точно по ее правому склону). Восстанавливается, таким образом, фраза: *ты пришли страдники...* Перед нами — единственная в фонде новгородских берестяных грамот фиксация социального термина *страдникъ*, обозначающего холопа, посаженного на землю для обработки барской пашни. Примеры на данное слово в Слов. XI–XVII — не старше сер. XV в. В более раннюю эпоху слово представлено в записи в Псковском Шестодневе 1374 г.: *поити на гумно къ страдникомъ* (Столярова 2000: 311); оно встретилось также в московской берестяной грамоте № 3, датируемой концом XIV – началом XV в. (Гиппиус, Зализняк, Коваль 2011: 454). Комментируемый документ содержит, таким образом, одно из ранних упоминаний данной социальной категории.

Приводим новую прорись грамоты.

Прорись грамоты № 16

№ 19 (10-е – 20-е гг. XV в.; Д 1) [Г]. Слово в конце четвертой строки, переданное в издании как *здѣсо*, выглядит аномально как в фонетическом отношении — на фоне дважды встретившегося в грамотах Есифа написания *здѣсе* (19, 122), так и в орфографическом — на фоне в целом последовательного распределения букв *о* и *о* (еще один случай употребления *о* после согласной приходится на не вполне ясное *до рьжи* в № 122). Обратившись к новому снимку, можно заметить, что верхняя правая четверть буквы, идентифицированной как *о*, на нем практически не просматривается — в отличие от всех остальных подобных гра-